

С. В. Чугров

В статье проанализированы точки пересечения японских и российских социокультурных реалий, имеющих прямое отношение к идентичности. Анализ основан на опросах общественного мнения, представляющих различные взгляды японцев и россиян на себя и внешний мир. Автор отмечает и такой новый тренд в развитии российской и японской идентичностей, как стремление к закреплению консервативных ценностей. События в Киеве, воссоединение Крыма, гражданская война на юго-востоке Украины значительно более точно определили контуры российской идентичности, разбудив в россиянах архетипические слои исторической памяти. В японском самосознании к 2015 г. стали закрепляться новые черты. Растет уверенность в уникальности японского общества, японцы все меньше доверяют СМИ и все больше уважают императора, демонстрируют недостаточно надежную историческую память.

Ключевые слова: Россия, Япония, идентичность, традиционализм, консерватизм, адаптация, ценности.

Важнейшее сходство российской и японской цивилизаций заключается в том, что, с точки зрения социально-политической культуры, и Россию, и Японию можно назвать глобализирующимися обществами с сильными элементами традиционализма. Традиционализм и консерватизм, как известно, – это факторы, способствующие изоляционизму и противодействующие процессам интернационализации и глобализации.

И Япония, и Россия стоят перед проблемой адаптации к новому этапу экспансии западных ценностных шаблонов и стандартов. Сталкиваясь с натиском западных ценностей, они уже проявили чудеса самосохранения и адаптации, в результате чего их идентичность опирается на смесь традиционализма, модерна и постмодерна.

Гражданская идентичность современного типа в России начала складываться с 1991 г. и пока не имеет твердых корней, поскольку была оторвана от традиций дореволюционной России катастрофическими для идентичности событиями 1917 г. и крутыми поворотами советской истории, когда насаждались «революционное сознание» и создавалась «новая национальная общность – советский народ», который и был формой гражданской идентичности. Она прошла через новые потрясения, кардинальную ломку в момент распада Советского Союза, но не преодолена до сих пор. Этническая идентичность россиян размыта в силу многонационального состава населения.

В Японии многие жители недостаточно четко осознают свою идентичность. Видный политолог Иногути Такаси в книге «Политическая теория»,

вышедшей в 2015 г., пишет: «Несколько удивительно узнавать, что из 18-ти стран – девяти азиатских и девяти европейских – доля японских респондентов, которые осознавали идентичность собственной страны Японии, оказалась самой низкой. Японцы, по сути, колеблются в ощущении идентичности собственного государства, или народа»¹.

Именно по этой причине при социологических опросах японцы подчеркнуто часто предпочитают ответить «Не знаю».

В этой статье поставлена задача проанализировать сходства и различия российской и японской идентичностей в период с 1991 по 2015 г. с позиций социологии, во многом на основе анализа опросов общественного мнения.

История: на переломе тысячелетий

В 1991 г., в начале рассматриваемого периода, обе страны вступили в фазу кризиса, длившегося примерно десять лет. В 1990-е годы, в эпоху стагнации в России и Японии, переосмысливались модернизационные процессы и пути выхода на путь устойчивого развития. В Японии это был прежде всего кризис экономики, вызванный приспособлением к реалиям глобализации. В России кризис оказался гораздо глубже и продолжительней; он связан с институционально-структурными реформами, а также с преодолением в национальном самосознании наиболее одиозных коммунистических ценностей и с переходом к ценностям либеральной демократии, которые впоследствии стали отторгаться. Процесс уточнения самоидентификации проходил в России крайне мучительно, а пиком кризиса был обстрел в октябре 1993 г. российского Белого дома, где располагался высший законодательный орган новой России.

С начала 2000 г. обе страны начали плавно выходить из кризиса, хотя в России эти перемены проходили зигзагообразно. Трудности трансформации и в Японии, и в России связаны с прочностью и укорененностью традиций, а успехи процессов обновления – с адаптационными способностями. В этот период пошатнулись устои старой Японии. Стало окончательно очевидным, что практически развалилась система пожизненного найма, бывшая до того опорой стабильности социального уклада, а ныне потерявшая свой универсальный характер.

Второй период – это 2000–2008 гг. – время первых двух сроков президентства В. В. Путина. Наследовав Россию, изрядно потрепанную дефолтом, плохо управляемую, втянутую в конфликты в республиках, где власть приобрела несменяемый клановый характер, Путин завершил военные действия на территории Чечни, были созданы семь федеральных округов, Общественная палата Российской Федерации и предотвращен развал Российской Федерации. В российском социуме возросло влияние

¹ *Иноутти Такаси. Сэйджи рирон* : [Политическая теория]. Токио: Минерва, 2015. С. 171.

в верховной власти военно-промышленного комплекса и правоохранительных органов. По подсчетам историка В. В. Согрина, при Ельцине во властных структурах военные составляли 6,7 %, при Путине 26,6 %, а в высшем руководстве – 58,3 %².

В Японии это был период выхода из экономической стагнации. Страна не ставит цели интенсивного экономического роста единственно ради укрепления влияния в мире, как это было в 1960-е – 1970-е годы. Япония желает стать «страной, в которой удобно жить». Приоритет для большинства жителей – не просто преуспевание, а достойная жизнь, иначе, психологически комфортное существование, в котором риски сведены к минимуму. Это стремление строить общество, в котором стабильность обеспечена саморегуляцией, где люди выражают друг другу уважение, где берегут окружающую среду, почитают умеренность (в смысле порицания корыстолюбия и ненужной роскоши), безопасность каждого, следование морально-этическим нормам.

Третий период – это 2008–2012 гг. В России президентское кресло занимает Д.А. Медведев. Власть столкнулась с демографической проблемой, необходимостью развивать сельское хозяйство, здравоохранение, образование. Россия уточняет идентичность государства, в котором русские составляют подавляющее большинство.

Кремль уже демонстративно подтверждает суверенитет над территориями, которые другие государства считают спорными. Болезненным шоком для японцев стал визит Медведева на Кунашир в ноябре 2010 г. Этому предшествовал демарш японской стороны. Сначала нижняя палата парламента 11 июня 2010 г. единодушно поддержала поправку к закону «Об особых мерах для форсирования решения проблемы Северных территорий», в которой зафиксирована принадлежность четырех российских островов Японии. Затем, 3 июля, поправки были одобрены верхней палатой.

Ранее Москва довольно апатично реагировала на такие демарши дежурными дипломатическими протестами. На этот раз, сознательно или подсознательно претендуя на восстановление статуса Великой державы, российские власти сочли необходимым расставить все по своим местам. Госдума дискутировала, нужно ли принять собственный законодательный акт о суверенитете над островами, но принятие такого закона означало бы, что Россия сомневается в принадлежности южных Курил именно ей. Обсуждались и иные потенциальные шаги, к примеру, упразднение уже давно ставшего привычным безвизового обмена между жителями российских средних и южных Курил и Японией. В такой нервной атмосфере, видимо, стремясь подчеркнуть суверенный статус России президент Медведев прибыл на Кунашир 1 ноября 2010 г., что стало сильнейшим раздражителем для Токио.

² Согрин В. 1985–2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005. № 3. С. 13.

В России ключевой задачей становится прорыв к современности под лозунгами модернизации и инноваций, положено начало созданию технопарков (первый современный оазис модернизации – Сколково). Этот прорыв, по замыслу российских лидеров, должен был закрепить в мире и в национальном самосознании имидж экономически мощной державы. Был достигнут прогресс, но истинного прорыва пока не получилось.

Япония избежала столь необычного зигзагообразного развития. После десяти лет стагнации и последующих лет неспешного выползания на медленный, но стабильный прирост ВВП не было серьезных политических всплесков.

Ключевой политической сдвиг в партийно-политическом устройстве Японии сделала 30 августа 2009 г., когда большинство избирателей проголосовали за оппозиционную Демократическую партию, которая одержала победу на выборах в нижнюю палату парламента, получив 308 депутатских мандатов из 480. Никогда прежде ни одной партии Японии не удавалось выиграть выборы с таким перевесом. Фактически это могло означать конец полувекового правления Либерально-демократической партии (ЛДП). Однако демократы удержались у власти недолго и уступили коалиции во главе с ЛДП. Такой поворот событий показывает, что традиционная японская модель оказалась сильнее, что традиции – это одна из констант японской идентичности. Однако и победа оппозиции, и ее уход от власти означали, что полупартийная «система 1955 года» окончательно отошла в прошлое и что Япония сделала радикальный шаг к статусу «обычной демократии», то есть государства, в котором у власти в принципе могут чередоваться главные политические силы. Это изменение паттерна электорального поведения японцев в некоторой степени внесло новые черты в идентичность японцев. Чудовищная катастрофа на Фукусима-1 поставила под вопрос способность страны сохранять один из главных предметов национальной гордости – заботу о чистой природе.

Четвертый период в России начался возвращением Путина в президентское кресло в 2012 г. Это – период укрепления властной вертикали, установления интенсивного контроля над прессой. Особенно усиление консервативных тенденций обозначилось на фоне кризиса вокруг Украины и введения западных санкций против России.

В этот период Япония пропустила вперед Китай по величине ВВП, и у японцев окончательно исчезли амбиции стать экономической державой № 1, уступив место более благородным целям – стремлению внести вклад в решение глобальных проблем, прежде всего в борьбу с деградацией окружающей среды, отсталостью и голодом в мире. Поиски новой идентичности заключаются в том, что японцы все более становятся «социальной нацией». В этом видится выход из кризиса идентичности для Японии. С другой стороны, во-первых, общество охвачено апатией в большей мере, чем три-четыре десятилетия назад. Во-вторых, если

раньше жители Японии были нацелены в основном на будущее и готовы были многим пожертвовать ради него, то сейчас они почти целиком поглощены сиюминутными задачами и гораздо чаще думают о настоящем, нежели о грядущем.

Однако Японии, по всей видимости, не суждено стать «азиатской Швейцарией». Грезы о не вовлеченной в геополитические бури, уютной для жизни стране, видимо, не будут осуществлены и по причинам внешнего порядка: едва ли возможна равноудаленная позиция, когда Япония остается военно-политическим союзником США, а окружающие страны обуреваемы самолюбивыми замыслами. Вблизи – Северная Корея, на которой висит обвинение в похищении людей и в эскалации ядерных программ. Полыхают конфликты вокруг принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) с Китаем и Такэсима (Токто) с Южной Кореей. Тень стремительно растущего народного хозяйства Китая нависает над экономикой Японии. Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия, Вьетнам и другие новые индустриальные экономики растут как на дрожжах, грозя оставить за собой Японию.

Все отмеченные четыре периода с 1991 по 2015 г. наложили свой неизгладимый отпечаток на трансформацию и российской, и японской идентичности.

Возвращение к истокам как альтернатива закату традиционализма

Недаром в России и Японии набирает силу новый консерватизм: любая система охраняет свои ценности. Каждое столкновение с западными ценностями превращается в испытание традиционных систем на прочность. Примечательно, что гибкость структур обоих социумов и их адаптационные способности позволяют создавать институциональные структуры, во многом похожие или прямо копирующие западные, но наполнять их несколько видоизмененным содержанием. Поразительно сходны некоторые черты парламентских систем.

Судя по опросам в России и Японии, лишь старшее и, в несколько меньшей степени, среднее поколение японцев все еще высоко ставят ценность труда, иерархичность социальных взаимоотношений и следуют традиционным нормам. Молодое поколение все чаще отрицает внеэкономические стимулы, конфликтуя с традиционализмом. Все большее место занимают симптомы социальной атомизации, партикуляризма, индивидуализма западного толка. Судя по социологическим опросам, у общества, как всегда в моменты резких перемен, начинает проявляться некоторая апатия, теряется интерес к политической жизни.

«Можно сказать, что XX в. является эпохой индивидуализма», – утверждает историк общественной мысли Васида Коята³. Маловероятно,

³ Васида Коята. Гэндай сисо, 1970–2001 : [Современное мышление, 1970–2001]. Токио, 2002. С. 525.

что японский индивидуализм, провозглашающий, кстати, социальную ответственность и даже альтруизм, может принимать радикальные формы.

Под российской самобытностью некоторые российские ученые подразумевают тип экстенсивной культуры, которому присущи такие черты, как удаль, риск, азарт. Характеру японцев больше присущи осторожность, педантичность, согласование решений в своей референтной группе.

Привычные паттерны самоидентификации порой принимают разноректорные, смешанные формы. Из традиций и постмодернистских прагматических принципов может образоваться некий необычный и продуктивный концепт, а интернационализация чревата очень амбивалентными последствиями. В России продолжают поиски отечественной идентичности. Часть образованной элиты благожелательно воспринимает «возвращение к истокам», то есть реставрация морального-этического уклада добольшевистской России.

Япония, с одной стороны, с большим пиететом относится к своим традиционным ценностям. С другой стороны, все больший вес набирает критический подход к «духу японского капитализма». В обеих странах расшатываются этические принципы и растет понимание, что их надо возродить, обратившись к историческому наследию. Подобное обращение к исконным корням по многим причинам неосуществимо в полной мере: следует искать компромиссную версию сопряжения традиций и инноваций.

Примат интересов государства

Самоидентификация японцев и русских имеет довольно много общих черт в силу специфики отношений между государством и личностью. В обеих странах государственные интересы ставятся выше интересов индивидуума, а почтение к власти трактуется как ценность, обеспечивающая неизменность жизненных смыслов.

В сегодняшней Японии было бы некорректно говорить о примате государства над личностью. Это, скорее, конкордат, преданность государству в обмен на патерналистскую заботу об индивидууме.

В России, как хорошо описано соционистами, примат государственных интересов над интересами личности – одна из самых ярких констант, опирающихся на патернализм и продиктованных необходимостью обеспечить управляемость огромной по размерам и многонациональной державой. Вместе с тем главная ценность западного либерализма – свободы – не является главной ценностью в России; россияне, как показывают опросы, предпочитают «справедливость». Так, по опросу ВЦИОМ 13 августа 2015 г., большинство респондентов (68 %), убеждены, что уважение к чувствам верующих в быту, искусстве, СМИ

важнее, чем право на свободу слова⁴. Более двух третей россиян (71 %) считают, что для России важно достижение порядка, даже если ради этого потребуются пойти на нарушения демократических принципов⁵.

Сплочению российского общества в значительной мере способствует традиция соборности, подразумевавшая, в частности, гармонизацию взаимоотношений всех сословий. Традиционно общество отождествляется с человеческим организмом, в котором каждый сегмент выполняет определенную функцию. И сейчас опросы позволяют отнести представления русских о существенной роли государства к числу очевидных доминант массового сознания россиян.

Японское восприятие индивидов в качестве частиц единого государства-организма можно уподобить российской соборности. Метафорический образ единого тела, или живого организма, созвучен концепции «органической аналогии» Герберта Спенсера и восходит к конфуцианским представлениям об идеальном государстве. Такое государство уподоблялось человеческому телу, существование которого невообразимо без взаимозависимости всех его частей. В этом заключена суть концепта интерактивной зависимости сердца и всех других органов.

Патерналистская позиция власти по отношению к обществу в Японии и России – мощный рычаг в руках лидеров, обладающих полномочиями управлять людьми. Разделив с властью ее картину мира, индивидуум приобретает не только надежду на выживание, но, что гораздо существеннее, возможность счастья.

Приверженность общинным ценностям и поныне сохраняется в национальной психологии обоих народов. Но следует помнить, что примат коллектива вовсе не влияет на спектр индивидуальности. *Homo communicus* может чувствовать себя счастливым не когда он одинок, а когда он вписан в некий коллектив и способен коммуницировать с другими. В Японии это воплощается в концепции *бун* (часть). А в русском языке, согласно одному этимологическому объяснению, слово «счастье» происходит от «со-часть», что есть часть некоего целого⁶. В древнерусском языческом пантеоне была богиня Доля, от которой зависело счастье людей.

В постсоветскую эпоху, как установлено социологическими исследованиями под руководством члена-корреспондента РАН М. К. Горшкова, «большинство россиян отдает предпочтение обществу равных возможностей над обществом равных доходов, около половины населения ставили равенство возможностей выше индивидуальной свободы, таким равенством не подкрепленной, и около трети выдвигали модель общества

⁴ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2901. Религиозные чувства vs свобода слова. 13.08.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115347>

⁵ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2551. Порядок или демократия? 03.04.2014. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114767>

⁶ Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Наука, 2010. С. 155.

равных возможностей как цель развития страны»⁷. Процесс нынешней консолидации общества вокруг национально-патриотических ценностей имеет и другую сторону. По мнению исследователей Института социологии РАН, «российский социум довольно динамично по историческим меркам движется в сторону современного потребительского общества, в котором зависимость населения от власти постепенно снижается, а личные, индивидуальные интересы начинают превалировать над общественными». Доля тех, кто непреложно нуждается в поддержке государства, уменьшилось с 66 % в 2011 г. до 56 % в 2014 г., и на те же 10 % выросло число тех, кто рассчитывает на свои собственные силы – с 34 до 44 %. При этом самое поразительное, что доля «самодостаточных россиян» не претерпела изменений с осени 2014 г. до марта 2015 г. (также 44 %) – в период, на который, по оценке Путина, приходился на пик кризиса⁸.

Иерархия ценностей

Чтобы подкрепить наши рассуждения конкретными данными, сравним результаты обследований общественного мнения в России и Японии в 2008 г. (табл. 1).

Таблица 1. Россия: Что делает Вашу жизнь полноценной и содержательной?, %

Семья, родственные связи	59
Дети, внуки	41
Работа, бизнес	38
Друзья, общение	29
Достаток, высокое материальное положение	17
Домашнее хозяйство	16
Хобби, развлечения	15
Учеба, научная, исследовательская деятельность	7
Спорт	6
Религия, духовное совершенствование	5
Политическая, общественная деятельность	0
Другое	1
Ничего	1
Не могу сказать определенно	3
Затрудняюсь ответить	1

Источник: Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. № 2 (86). 2008. Апрель–июнь. С. 49.

⁷ Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2005. С. 7.

⁸ Российская повседневность под влиянием кризиса: Как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / Институт социологии РАН; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М.: ИС РАН, 2015. С. 17.

Обращает на себя внимание, что общественная деятельность у россиян стоит на последнем месте в списке ценностей (0 %), что говорит о практически полной аполитичности современного российского общества и отсутствии интереса к общественной деятельности. Россияне уверены, что общественный активизм – удел профессионалов. У японцев же деятельность на благо общества занимает ведущие места в списке (табл. 2).

Таблица 2. Наиболее значимые задачи с точки зрения японцев, %

Охрана природы и окружающей среды (в частности, движение за переработку отходов)	41,6
Деятельность на муниципальном уровне (организация праздников, помощь нуждающимся и т. д.)	36,6
Деятельность, направленная на общественное процветание (помощь старикам и жертвам войны, движение за здоровый образ жизни здоровое питание и т. п.)	35,4
Работа, профессиональная карьера	27,8
Обеспечение противопожарной безопасности	24,4
Семья и воспитание детей	24,2
Безопасность дорожного движения	21,7
Здоровье, физкультура и спорт, досуг	21,3
Медицинская помощь, страхование, гигиена и санитария	18,3
Благотворительная деятельность, пожертвования	17,0
Деятельность в рамках общественных учреждений (дома культуры, музеи и т. д.)	14,3
Деятельность, связанная с воспитанием детей и юношества (бойскауты и т. п.)	13,7
Участие в общественном образовании и просвещении (изучение языков, каллиграфия, кулинария и т. п.)	11,7
Деятельность, связанная с международным общением, помощь иностранцам и иммигрантам	11,2
Другое	2,2

Источник: составлено по Найкакуфу дайджин камбо сэйфу кохосипу. Сякай исики-ни кан-суру ёрон тёса : [Информационный отдел при канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения, касающийся общественного сознания]. 9–19 января 2009 г.

URL: <http://www8.cao.go.jp/survey/h20/h20-shakai/images/z09.gif>

Во-первых, сразу же привлекает внимание, что на первом месте для японцев среди приоритетов находится забота об окружающей среде. Это принципиальное изменение в общественных настроениях, и мы еще вернемся к нему, когда будем анализировать перспективы поисков Японией своей новой роли в мире.

Во-вторых, любопытно, что на видном месте для японцев стоит общественная деятельность (организация праздников, помощь нуждающимся, помощь старикам и жертвам войны, движение за здоровый образ жизни, здоровое питание и т.п.), а работа и профессиональная карьера отходят на задний план (27,8 %).

Если заглянуть в опрос о том, что положительного в современной эпохе видят сегодняшние японцы, то наиболее приметными ценностями окажутся мирная обстановка (54,1 %) и стабильность (17,1 %). Число ценящих чувство солидарности в обществе с 2008 по 2009 г. выросло с 4,4 до 5,7 %, а число высоко ставящих социальную ответственность – соответственно с 9,1 до 11,0 %. Неискренность, лицемерие, легковесность в качестве отличительных черт эпохи назвали 18,8 % в 2009 г. по сравнению с 16,8 % в 2008 г. Несколько более 11 % считают, что у окружающих явно не хватает отзывчивости и чуткости. Оптимизм считают приметой нашего времени 6,8 % (2009 г.) и 8,6 % годом раньше, мрачные настроения – зримо больше, соответственно 18,7 и 12,1 %. Это указывает на рост пессимизма в обществе.

По опросам токийского Института математической статистики на первом месте с большим отрывом для японцев стоит семья. Причем этот показатель вырос за 56 лет почти в четыре раза: в 1953 г. он составлял всего 12 %, а в 2008 г. достиг 46 %. За это же время такой традиционно высокий в прошлом индекс, как «своя жизнь и здоровье», изменился мало, опустившись с 22 % до 19 %, а «деньги, финансы» – резко упал с 15 % до 3 %⁹. (Опросы последних лет обнаруживают, что жители Японии меньше ценят семью, чем лет десять назад. Число тех, кто считает, что «не обязательно заключать брак», и тех, кто полагает, что «не обязательно иметь детей в браке» увеличилось за последовавшие пять лет, с 2009 по 2013 г., впервые за все историю опросов NHK с 1973 г.¹⁰)

Совершенно неожиданно опрос конца 2014 г. в России показал, что среди ценностей семья и брак оказались на довольно низком месте. Вместе с тем финансовое благополучие поднялось на первую строчку в списке ценностей. Видимо, кризисное состояние общества, воздействие санкций определенным образом повлияло на те приоритеты россиян, которые образуют идентичность (табл. 3).

Такие резкие перемещения на шкале ценностей (если закрыть глаза на разницу в методике проведения опросов) говорят о том, что идентичность как система ценностей нестабильна и подвержена флуктуациям.

⁹ Составлено по: Токэй сүри кэнкюдзё. Нихондзин-но кокуминсэй тёса : [Институт математической статистики. Исследование японского национального характера]. 2009. URL: www.ism.ac.jp/kokuminsei/table/data/html/ss9/9_6/9

¹⁰ Takahashi Koichi, Aramaki Hiroshi. «Japanese Value Orientations» in a Forty Year Time-Series Survey (2). August 2014. URL: <http://www.nhk.or.jp/bunken/english/reports/summary/201407/02.html>

**Таблица 3. Жизненные приоритеты россиян
на сегодняшний день, ранги предпочтений**

Приоритеты	Ранг предпочтения
1. Финансовое благополучие	1
2. Жить в более справедливом обществе	2
3. Дружба, общение	3–4
4. Здоровье, красота	3–4
5. Работа, бизнес	5
6. Быть полезным обществу, людям	6–7
7. Признание, уважение окружающих	6–7
8. Самореализация, проявление себя	8
9. Следование идеалам, принципам	9–10
10. Любовь, секс	9–10
11. Создание семьи, рождение детей	11

Источник: Российская повседневность под влиянием кризиса: Как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / Институт социологии РАН; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М.: ИС РАН, 2015. С. 22.

Хорошо известно, что «боязнь нестабильности» – одна из самых распространенных фобий в Японии.

В России понемногу возникло новое состояние массового сознания – «стабильная неопределенность»¹¹. Это состояние характеризует россиянина «как готового к самым неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями и склонного к автономности»¹², но все же предпочитающего стабильность. Один из секретов успеха Путина – его стремление идти на компромиссы ради сохранения стабильности.

Вместо стремления к автономности и преодолению жизненных трудностей у японцев доминируют коллективизм и фетишизация стабильности и контекста.

Принцип иерархичности общества в России не столь выражен, как в Японии, но все же представляет собой часть социокультурной идентичности. Япония схожа с Россией в этом отношении, однако иерархичность социума в ней – сама суть «вертикального общества», это и есть упорядоченный космос. На иерархических опорах стоят все структуры японского общества – бюрократические организации, спортивные секции школы аранжировки цветов, школьные клубы, криминальные

¹¹ Чего опасаются россияне? Аналитический доклад / Институт социологии РАН. М.: ИС РАН, 2008. С. 133.

¹² Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2005. С. 5–6.

группировки и т. д. Посулы построить горизонтальное общество, возведенное на базе человеческих связей, на месте иерархического и вертикального, основанного на укоренившихся интересах, вызывает у интеллектуальной элиты одобрительную, но несколько скептическую улыбку.

Как это ни парадоксально выглядит при беглом взгляде, системы восприятия в обеих странах более гибки и контекстуальны, чем на Западе. Они менее спекулятивны и поэтому ближе к окружающим реалиям. Там, где европеец усматривает трудноразрешимый конфликт, россиянин или японец такового подчас не видит. Российский и японский социумы нацелены на непринужденное реагирование на изменения в окружающей среде. Если на Западе цели задаются заранее и механизмы движимы задачей достичь этих целей, постоянно сверяя цели с промежуточными результатами, то российские и японские структуры гораздо гибче. Они далеко не всегда блюдут букву соглашения. Конечные цели часто не формулируются жестко. Они не задаются извне, а спонтанно и гибко формулируются контекстуально внутри системы. В отличие от взгляда на традиционализм как на нечто застывшее, мышление россиян и японцев отличается удивительной контекстуальностью, ситуативностью, приспособляемостью и нежеланием слепо следовать догмам. Очевидно, в этом одна из причин того, что обе политические культуры способны слаженно переплести разнородные элементы.

Для россиян и японцев нередко предпочтителен не четкий контракт, неисполнение которого наказывается штрафами, а некая аморфная договоренность (хотя в обеих странах есть немало жестких политиков и бизнесменов). Весьма специфично отношение общества к законодательству. На Западе законы существуют вне зависимости от общества, они как бы даны извне. В российском и японском менталитетах – в отличие от западного – кодексы постоянно были своеобразной формальностью. Справедливость в обществе всегда ценилась выше, чем следование формальным предписаниям, что позволяет говорить об условности правового мышления (законы подлежат исполнению лишь тогда, когда они «правильные» и если «верхи» сами дают пример их соблюдения). Приказы непосредственного начальства российские служащие, как правило, непременно исполняют только тогда, когда ощущают внутреннее согласие с ними¹³.

Бесспорно, различные, большей частью латентные формы социокультурного противопоставления себя Западу присутствуют в обеих политических культурах (конечно, в разной мере). Но для обеих культур Запад – это своего рода зеркало, некая точка отсчета и ориентир. И Россия, и Япония испытывают по отношению к западным ценностям как притяжение, так и отталкивание. Но это обычно – проекция своих ценностных критериев на западную систему. Не стоит, конечно же, и

¹³ Там же. С. 75.

впадать в преувеличение национальных опор обеих культур: общий вектор развития, похоже, направлен в сторону вестернизации. Былой коллективизм постепенно вытесняется индивидуализмом западного толка, партикуляризм – универсализмом, эмоциональные начала – интеллектуальными и т. д.¹⁴

Тренды 2013–2015 годов

Черета бурных событий на Украине, сопровождавшихся кровопролитием, и стремительно последовавшее за этим воссоединение Крыма с Россией четко расставили точки над *i* в запутанном вопросе о российской идентичности. «Дружба народов» не прошла через испытание на прочность под натиском экстремистов. Зато российская идентичность получила подкрепление в виде интенсивного чувства солидарности и ощущения своей «русскости» вместо размытого за годы советской власти понятия «братства». Дело в том, что у большинства россиян проснулась историческая память, для которой «Крым» – это не столько территория, сколько историко-нравственный символ, разбудивший в российском мировосприятии «архетипические пласты сознания, которые ожили после нескольких десятилетий спячки и стали формировать

Таблица 4. Оценка представителями различных социально-демографических групп воссоединения Крыма с Россией, %

		Это – победа России, имеющая важное позитивное значение	Это – событие, имеющее в равной степени как позитивные, так и негативные последствия	Это было ошибочное решение, имеющее в большей мере негативные последствия
Все опрошенные		64	32	4
Возраст	18–30	60	33	7
	31–40	59	36	5
	41–50	65	31	4
	51–60	62	35	3
	Старше 60	72	26	2
Образование	Среднее	65	31	4

Источник: Российская повседневность под влиянием кризиса: Как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / Институт социологии РАН; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Иегухова. М.: ИС РАН, 2015. С. 12.

повестку дня, в том числе и политическую. Согласно этим архетипам, Россия должна вернуть себе статус великой державы, пользующейся

¹⁴ Чугуров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Наука, 2010. С. 168.

авторитетом в мире. В то же время немалое число россиян начинают колебаться в своих оценках возможных последствий воссоединения с Крымом, в котором усматривают не только положительные, но и возможные негативные последствия. Причем в отдельных группах и слоях населения доля тех, кто усматривают не только положительные, но и возможные негативные его последствия, довольно внушительна – 38 % среди жителей мегаполисов, по 36 % у респондентов в возрасте 31–40 лет и лиц с высшим образованием»¹⁵ (табл. 4).

Доверие к институтам власти – важный индикатор стабильности идентичности и отсутствия разрыва между политической элитой и массами. В результате «крымской весны» 2014 г. в России резко возросло доверие к верховной власти.

Таблица 5. Уровень доверия властям, %

	1995–1998	1999–2001	2005–2008
Япония	30	27	31
Россия	26	–	45

Источник: World Values Survey, 2010. URL: www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp (дата обращения 20.09.2015).

После референдума в Крыму и присоединения полуострова к России уровень доверия к институту президентства в России за полгода вырос с 60 % в марте 2014 г. до 78 % в октябре 2014 г., а через несколько месяцев превысил 80 %. Менее заметный, но все же немалый рост произошел в отношении и других институтов власти – правительства России (с 43 до 56 %), руководителей регионов и губернаторского корпуса (с 43 до 49 %), Государственной Думы (с 25 до 32 %), Совета Федерации – с 28 до 34 %). Примечательно, что к весне 2015 г. показатели доверия органам государственной власти, за исключением Президента, вновь пошли вниз (табл. 6).

**Таблица 6. Динамика доверия россиян
государственным и общественным институтам, %**

Доверяют	2014 март	2014 октябрь	2015 март
Президенту России	60	78	78
Правительству России	43	56	49
Руководителю региона	43	48	43
Органам местного самоуправления	32	34	27

¹⁵ Российская повседневность под влиянием кризиса: Как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / Институт социологии РАН; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М.: ИС РАН, 2015. С. 11.

Государственной Думе России	25	32	29
Совету Федерации	28	34	30
Политическим партиям	15	17	17
Полиции, органам внутренних дел	30	28	32
Прессе (газетам, журналам)	32	33	30
Телевидению	41	44	38
Российской армии	61	62	65
Профсоюзам	24	26	24
Судебной системе	24	24	26
Православной церкви	55	50	50
Общественным и правозащитным организациям	31	37	35
Российской академии наук	43	42	47

Источник: Российская повседневность под влиянием кризиса: Как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / Институт социологии РАН; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М.: ИС РАН, 2015. С. 14–15.

**Таблица 7. Ранги доверия / недоверия
государственным и общественным институтам**

Доверяют	Ранги	Не доверяют
Президенту России	1	Политическим партиям
Российской армии	2	Судебной системе
Церкви	3	Полиции, органам внутренних дел
Правительству России	4	Органам местного самоуправления
Российской академии наук	5	Прессе (газетам, журналам)
Руководителю республики, губернатору области, края	6	Телевидению
Телевидению	7	Государственной Думе России
Общественным и правозащитным организациям	8	Профсоюзам
Полиции, органам внутренних дел	9	Руководителю республики, губернатору области, края
Совету Федерации	10	Совету Федерации
Прессе (газетам, журналам)	11	Правительству России
Государственной Думе России	12	Общественным и правозащитным организациям

Органам местного самоуправления	13	Церкви
Судебной системе	14	Российской армии
Профсоюзам	15	Российской академии наук
Политическим партиям	16	Президенту России

Источник: Российская повседневность под влиянием кризиса: Как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / Институт социологии РАН; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М.: ИС РАН, 2015. С. 14–15.

Опросы общественного мнения в России обнаруживают, что коэффициент доверия граждан другим, кроме президента, политическим и общественным институтам. Например, профсоюзы и политические партии занимают последние места по рангу доверия (им доверяют лишь 24 и 17 % россиян соответственно), что отчетливо свидетельствует об их серьезной деградации. Рост доверия к телевидению на фоне интереса к событиям в соседней стране оказался краткосрочным, и весной 2015 г. доля, не доверяющая электронным медиа, вновь оказалась больше, чем доверяющая (41 против 38 %).

На этом фоне заметна высокая степень доверия в отношении «сило-вой» составляющей государственной власти: уровень поддержки населением Российской армии весьма значителен (65 %). Это примерно столько же, сколько было в 2009 г., когда проявляла себя психологическая травма от «пятидневной» войны с Грузией. Полиция по-прежнему находится в зоне недоверия, однако в этой своеобразной иерархии она поднялась на несколько ступенек вверх¹⁶ и ныне по показателю доверия опережает органы местного самоуправления, Государственную Думу и Совет Федерации, прессу, профсоюзы, судебную систему, политические партии.

Хорошо известно, что высокий уровень межличностного доверия – это одна из наиболее прочных основ японского общества, и опросы неизменно показывают высокие значения этого индикатора, заметно опережающие данные по межличностному доверию в России и, для сравнения, в Великобритании, которая считается эталонной страной по этому показателю (табл. 8).

Таблица 8. Межличностное доверие в трех странах, %

	1995–1998	1999–2001	2005–2008
Japan	43	40	37
Russia	23	23	25
Great Britain	30	29	30

Источник: World Values Survey, 2010. URL: www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp

¹⁶ Российская повседневность под влиянием кризиса... С. 16.

Как для Японии, так и для России взаимное доверие партнеров по переговорам и прежде всего эмоционально-партиципативные отношения «один на один» играют совершенно особую роль¹⁷. Вспомним эффект ельцинской дипломатии «без галстуков», которая, очевидно, произвела глубокое впечатление на премьер-министра Хасимото Рютаро. Для западных партнеров России такого рода неформальные отношения давались довольно непринужденно и носили поверхностный характер, были своего рода «игрой», демонстрацией для прессы. В японском случае психологический эффект перехода на «безгалстучный режим» значительно глубже и характеризует более интенсивный уровень доверия, поскольку подразумевает для японцев символический «допуск» во внутренний круг.

Доверие к государственной власти вкупе с межличностным доверием как один из ключевых элементов идентичности открывает перед лидерами стран новые политические возможности, в частности, потенциал мобилизации общества для решения сверхзадач (в России – это выживание в условиях санкций и финансовой помощи самопровозглашенным республикам на юго-востоке Украины, а в Японии – консолидация нации на фоне нарастания напряженности вокруг островов Сэнкаку и изменения военно-политического курса в сторону более широкого использования военной силы за рубежом). Международная пресса пишет об укреплении авторитета верховной власти и в России, и в Японии. 18 декабря 2014 г. германская газета *Die Welt* отметила, что президент Владимир Путин, японский премьер Абэ Синдзо и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган запустили новый «авторитарный тренд». По мнению автора статьи Сони Блашке, «их объединяет то, что в своей политике они делают ставку на национализм, традиционные культурные ценности и желание взять реванш за исторические унижения... Этот тренд одновременно включает в себя авторитарный стиль правления, гипернационализм, уходящий своими корнями в религиозную и этническую гомогенность, и культурную неповторимость, а также желание отомстить за прежние реальные или мнимые унижения... Все трое – харизматичные, решительные лидеры, борющиеся с внешними врагами, к которым относят сторонников западных ценностей. Они также мстят за прошлые унижения, которым для Абэ является поражение Японии во Второй мировой войне. Японский премьер мечтает вернуть своей стране былое величие и изменить навязанную Японии “американскими оккупантами” пацифистскую Конституцию. В свою очередь российский президент использует “аннексию” Крыма для де-

¹⁷ Yamamoto Yutaka. A Morality Based on Trust: Some Reflections on Japanese Morality // Philosophy East and West (A Quarterly on Asian and Comparative Thought). 1990. Vol. XI. № 4. October. P. 451–470.

монстрации силы после развала Советского Союза»¹⁸. Заметим, что с суждением о «гипернационализме» согласиться нельзя: за исключением маргинальных слоев, националистические лозунги не слишком привлекают большинство.

Более того, американский политолог и публицист Фарид Закария предлагает даже новый термин – «путинизм», важнейшими элементами которого являются «национализм, религия, социальный консерватизм, государственный капитализм и господство правительства в средствах массовой информации. Все они в той или иной мере либо отличаются от современных западных ценностей, основанных на правах личности, терпимости и космополитизме и интернационализме, либо враждебны по отношению к ним»¹⁹. Тут во многом можно спорить с Закарией. Едва ли в столь сложно скроенной многонациональной стране, как Россия, возможен расцвет русского этнического национализма. Очевидно, речь идет об усилении гордости за сильное государство.

Согласно опросу 2014 г., в России лишь один общественный институт – Православная церковь – обладает поддержкой социума, сравнимой с государственными институтами. Наряду с институтом президентской власти и армией она начинает обеспечивать стабильность каркаса российской государственности. Похоже, что начинает складываться новая триада «Президент, народное единство, Церковь», которая представляет собой оплот консервативного консенсуса. Эта новая формула походит на триаду графа Уварова «Православие, самодержавие, народность», которую упоминают авторы японской статьи этой книги по периоду 1991–2015 гг.

Таблица 9. Динамика представлений россиян о позиционировании России в Европе и мире, % опрошенных

Варианты ответа	2002	2007	2014
Россия – часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в XXI в. она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира	55	50	36
Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток	45	50	64

Источник: Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 20.

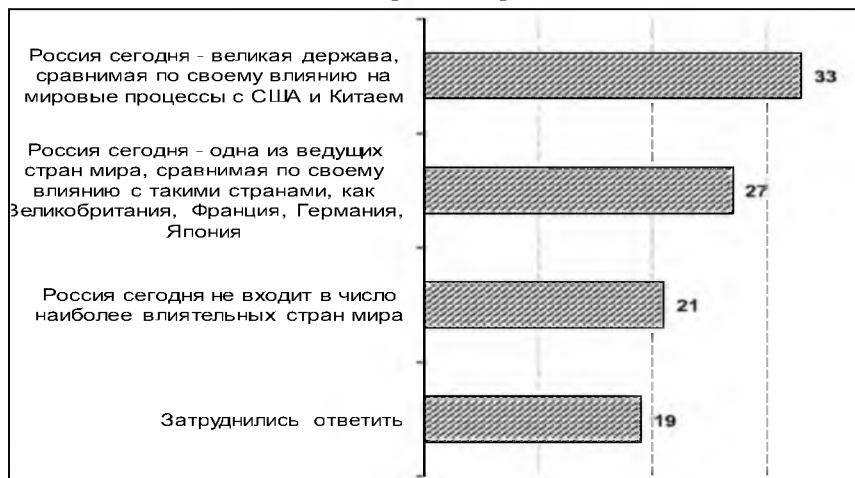
Социологи М. К. Горшков и В. В. Петухов считают, что в России «в основе нарастающего “евроскептицизма” лежит не столько туманная

¹⁸ Новости ИноТВ. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-12-18/Die-Welt-Blagodarya-Putinu-Irdoganu-Abe>

¹⁹ Zakharia Fareed. The Rise of Putinism // Washington Post. 31.07.2014.

“евразийская альтернатива”, сколько уверенность большинства россиян в том, что нас в Европе “не любят”, что в общеевропейском доме мы “чужие родственники”, с которыми приходится иметь дело в силу их “природной зажиточности”»²⁰.

Рис. 1. Оценки россиянами нынешнего положения России в мире, % опрошенных

Источник: Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 23.

Ключевое место в самоидентификации России занимает вопрос о ее статусе в мире. В исследовании Института социологии РАН на основе опросов делается вывод: «Что касается целей международной политики России, то, на первый взгляд, они очевидны – вернуть ей статус великой державы... Треть опрошенных (33 %) уверены, что ничего возвращать России не надо, поскольку она и так является великой державой, сопоставимой по своему экономическому и политическому весу с США и Китаем; 27 % ставят нашу страну в один ряд с такими ведущими государствами мира, как Германия, Великобритания, Франция, Япония; немало и тех (21 %), кто полагает, что современная Россия не может быть причислена к ведущим странам мира (рис. 1)»²¹.

Дадим теперь сравнительную картину новых трендов в Японии. Япония так же, как и Россия, перенаправляет внимание на страны Азии. Формула «выход из Азии, вхождение в Запад» (*дацуа ньюо*) поменялась на формулу «возвращение в Азию, отдаление от Запада» (*киа*

²⁰ Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. № 2. 2015. С. 20.

²¹ Горшков М. К., Петухов В. В. Указ соч. С. 23.

рио), то есть взят курс на новое обретение Азии и позиционирование себя в ней²².

В исследованиях Института культуры вещания Эн-Эйч-Кэй (*NHK хосо бунка кэнкюдзё*) представлены результаты 40-летних наблюдений за японскими «ценностными ориентациями» (опросы проводятся NHK раз в пять лет, начиная с 1973 г.). Для понимания сегодняшней японской идентичности надо уяснить, что японцы прочно уверены в уникальности (можно было бы сказать, в превосходстве) своего национального характера. Если посмотреть на данные опроса NHK 2014 г., 68 % респондентов считают, что «японцы, по сравнению с другими народами, обладают в высшей степени выдающимся характером». Для сравнения, укажем, что в 1973 г. таких поборников национальной уникальности было меньше – 60 %²³.

Доля тех, кто считает, что «Япония – это первоклассная страна» 「日本は一流国だ」, за пять лет (с 2008 г. по 2013 г.) резко увеличилась на 15 % – с 39 % до 54 % (в начале наблюдений в 1973 г. эта цифра составляла 41 %, а рекордный пик отмечен в 1983 г.)²⁴. Тенденция, возможно, говорит о том, что наблюдается некоторый рост национализма или национальной гордости (а это очень близкие, но не тождественные понятия, зависящие от точки зрения).

Вместе с тем японцы стали меньше доверять информации СМИ, меньше начали ценить свободу самовыражения. Доля тех, кто считает эту свободу ключевой ценностью за 40 лет наблюдений уменьшилась с 55 % (1973 г.) до 20 % (2013 г.)²⁵. Согласно опросу 2014 г. о политической культуре и основных ценностях японцев, число респондентов, которые считают, что общественные акции, такие, как голосование на выборах и выражение общественного мнения, имеют ощутимое влияние на политику страны, обнаружило рост с 2000-х годов. Что касается проблем, которым правительство должно отдавать приоритет, число тех, кто назвал «экономический рост», увеличилось за последние пять лет, а тех, кто назвал «улучшение социального обеспечения», наоборот, обнаружило тенденцию к снижению. Число японцев, которые «чувствуют благоговение» перед императором, также продолжало расти (34 %) по сравнению с итогами предыдущего опроса и достигло уровня 1973 г., наряду с числом тех, кто испытывает «хорошее чувство» к императору. Число тех, кто думает, что «с родственниками и коллегами можно обсудить многие вопросы и нужно помогать друг другу», снизилось снова за последние пять лет, а тех, кто хочет иметь тесные от-

²² Чузров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Наука, 2010. С. 259.

²³ Такахаси Коити, Арамаки Хироюси. Японские ценностные ориентации. 40 лет наблюдений (2). 08.2014. С. 6. URL: <http://www.nhk.or.jp/bunken/english/yoron/data/social/index.html> (дата обращения 20.09.2015).

²⁴ Там же. С. 8.

²⁵ Там же. С. 6.

ношения с другими, включая соседей, значительно снизилось за эти 40 лет. Это свидетельствует о неизбежном росте индивидуализма в японском обществе. Среди других выводов важно отметить то, что, хотя страна в марте 2011 г. (то есть в период между предыдущим и последним опросами) пережила Великое землетрясение в Восточной Японии, за незначительными исключениями нет заметных изменений в мышлении японцев. А это предполагает, что заметного влияния природной катастрофы не наблюдалось²⁶.

Не менее удивительно то, что японцы все меньше знают об исторических потрясениях, затронувших их страну. Например, по опросу, проведенному в августе 2014 г., выяснилось, что довольно много японцев не могут назвать дату атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (табл. 10 и 11).

Таблица 10. Знание жителями Японии даты атомной бомбардировки Хиросимы, %

	В Хиросиме	В Нагасаки	В целом по стране
Точно назвали дату – 06.08.20 г. эры Сёва	68,6	50,2	29,5
Назвали другую дату	21,4	25,0	28,1
Вообще не знают	10,0	24,8	42,2

Источник: NHK. Сякай я сэйдзи-ни кан-суру ёрон тёса. Гэмбаку исики тёса : [Опросы по проблемам общества и политики. Опрос по восприятию атомных бомбардировок]. 05.08.2015. URL: www.nhk.or.jp/buken/yoron/social/index/html (дата обращения 21.09.2015).

О дате бомбардировки Нагасаки помнят еще меньше. В самом Нагасаки 40,8 % жителей не знают даты, когда облако «ярче тысячи солнц» вспыхнуло над их городом.

Таблица 11. Знание жителями Японии даты атомной бомбардировки Нагасаки, %

	В Хиросиме	В Нагасаки	В целом по стране
Точно назвали дату – 09.08.20 г. эры Сёва	54,2	59,2	25,6
Назвали другую дату	23,0	27,0	28,1
Вообще не знают	22,7	13,8	49,2

Источник: NHK. Сякай я сэйдзи-ни кан-суру ёрон тёса. Гэмбаку исики тёса : [Опросы по проблемам общества и политики. Опрос по восприятию атомных бомбардировок]. 05.08.2015. URL: www.nhk.or.jp/buken/yoron/social/index/html (дата обращения: 21.09.2015).

²⁶ Такахаси Коити, Арамаки Хироси. Японские ценностные ориентации...

Тут поражает, что время, когда траурными церемониями отмечалось 70-летие бомбардировки и шли молитвы за *хибакуся*, 77,3 % респондентов в общенациональном опросе не смогли назвать или перепутали дату атомного удара по Нагасаки. Хиросима оказалась счастливее немногим больше: не смогли назвать дату бомбардировки 70,3 % жителей Японии. Это свидетельствует о том, что японцы небрежно относятся к самым трагическим страницам своей истории (впрочем, психологи наверняка предпочли бы объяснить этот феномен психологической травмой, которую сознание пытается вытеснить в подсознание). Следует подчеркнуть, что без исторической памяти идентичность расплывается и исчезает.

Резким контрастом выглядит истинный народный энтузиазм, который проявили жители России во время празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945), когда несметное число потомков ветеранов прошли маршем «Бессмертный полк» с портретами погибших на войне родственников. Несомненно, победа над нацизмом – это прочнейшая скрепа, которая и впредь будет воспроизводить основные черты российской идентичности.

Новейшая тенденция – сдвиг симпатий японской и российской политической и интеллектуальной элит в сторону консерватизма и консервативных ценностей. В Японии старт этой тенденции обозначился призывом Абэ Синдзо «*Торимодосэ Нихон-о!*» («Вернем Японию!»), намерением японских властей повернуть среднее образование в русло гордости за достижения Японии на основе нарратива, который опирается на патриотизм, чувство уважения к собственной стране²⁷. В результате родился новый патриотический лозунг «Воздвигнем над Японией красивую радугу!» («Нихон-ни уцукусий нидзи-о какэё»). Это, безусловно, очень красивый и благородный лозунг. Но за пределами Японии новейшие тренды вызывают некоторую озабоченность некоторых стран. Об опасностях перерастания патриотизма и консерватизма в воинствующий национализм шла речь 24 сентября 2015 г. на научном семинаре «Историческая память и проблемы формирования патриотизма» с участием научных сотрудников Института социологии РАН и китайских коллег – сотрудников журнала «Цюши» (Qishi 求是), теоретического журнала Центрального комитета КПК²⁸. Это еще одно подтверждение, что историческая память японцев корректируется пропагандистскими усилиями, а консерватизм не обязательно несет с собой восстановление аутентичной истории.

Без сомнения, с начала 1990-х годов глобализация серьезно изменила самоидентификацию японцев и русских. Тем не менее, несмотря на

²⁷ Ватанабэ Сэйити. Торимодосэ Нихон-о : [Вернем Японию]. Токио: PHP кэнкюдзё, 2013. С. 148.

²⁸ Официальный сайт Института социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru/>

вызовы глобализации, как японская нация, так и российская, в силу несравненных возможностей адаптации и гибкости не потеряли свою традиционную идентичность. Социологические опросы показывают, что японское общество по-прежнему имеет тенденцию воспроизводить эффективное слияние, симбиоз, даже гибридизацию модернизма, постмодернизма и традиций. Теперь Япония, равно как и Россия, пытаются найти точный баланс между своими традициями и инновациями, принесенными глобализацией.

Кризис российской и японской моделей идентичности, обнажившийся в 1990–2000-х годах под натиском глобализации, сделал очевидным колоссальный адаптационный потенциал консерватизма. Важно, что, каким бы сильным ни был прессинг вестернизации, традиционные ценности и модели поведения не исчезают, а оказываются встроенными в национальную психологию. Очевидно и то, что идентичность не есть нечто законченное и застывшее. Опыт трансформации идентичности в обеих странах в этот период показал, что самоидентификация – это континуум, развивающийся процесс.